

Большие города на карте Марокко выделены круглыми фишками, и самый крупный из них — Касабланка, где проживает десятая часть всего населения страны. Касабланку называют деловой столицей Марокко в отличие от официальной столицы — Рабата, религиозной — Феса и неофициальной — летней резиденции короля — Марракеша. В Касабланке невольно забываешь, что находишься в Африке. По архитектуре — это ультрасовременный европейский город, выстроенный из снежно-белого камня (отсюда и название Касабланка, что в переводе с испанского означает «Белый дом»). Глухие продолговатые коробки плоских зданий сменяются асимметричными, геометрически неправильной формы модернистскими махинами в пятнадцать-двадцать этажей. Витрины магазинов загромождены автомобилями, холодильниками, мебелью, завалены товарами самого различного происхождения и назначения. С приближением вечера город начинает постепенно зацветать огнями и к ночи разгорается оранжевым электрическим закатом. Над зданиями и пальмами всеми цветами радуги переливаются рекламные призывы пить кофе «Мундиаль», покупать тергеловые плащи и непременно посмотреть новый кинофильм «Веритэ» с участием Брижит Бардо... Разрекламированы не только товары, но и сам город: на каждом шагу выставлены щиты красочных фотографий с видами Касабланки. Однако цветная открытка, которую мимоходом покупает иностранный турист, далеко не отражает подлинного лица города. Ведь Касабланка — это не только фирменные магазины, отели и банки, принадлежащие, как правило, французам. Касабланка — это более полумиллиона тружеников, которые в жару и дождь возводили белые стены домов, зажигали в них электрические огни, выращивали исполинские пальмы. Но трудовой люд почти не встречаешь на центральных улицах. Рабочие живут в пригородах, в окрестностях Касабланки, в тех кварталах, где поменьше огней, где и дома поменьше, а улицы неказистее и уже.

Касабланка — первый по значению и пропускной способности порт на Атлантическом побережье Африки. Его обслуживает целая армия докеров, через их руки ежегодно проходит до 10 миллионов тонн грузов. Почти вся внешняя торговля Марокко ведется через Касабланку. Из разных концов страны сюда свозятся фосфориты, железная, цинковая, свинцовая и марганцевая руды, пробковая кора, эвкалиптовая древесина, цитрусовые, зерно, овощи, фрукты. В порту неустанно гнут железные хребты около ста кранов, а общая протяженность причалов достигает пяти километров. Разношерстные корабли под флагами всех стран мира можно увидеть в ярко-фиолетовых водах порта...

Расстояние от Касабланки до Рабата всего 100 километров, но когда попадаешь в Рабат, то кажется,

что шумная Касабланка осталась где-то очень и очень далеко. Жизнь в Рабате спокойнее, без суеты; город выглядит задумчивым и уже по-настоящему восточным. Однако и Рабат неоднороден: он разделен на две части — старую и новую, фактически на два города. Старая, или, вернее, даже древняя, часть — Медина окружена высокой глинобитной стеной; здесь живет исключительно мусульман-

МАРОККО

СЕГОДНЯ

В. КАТИН

ское и преимущественно трудовое население: кустари, лудильщики, горшечники, ткачи, сапожники, угольщики, разносчики зелени, носильщики и т. д. Улицы в Медине похожи на тропы, извивающиеся среди низкорослых, почерневших от времени домов, лавок, мечетей. Новая часть города имеет уже европейские черты, хотя восточная архитектура заметно еще преобладает. Здесь широкие, чисто подметенные улицы, отороченные аллеями магнолий и пальм, уютные виллы, кинотеатры, авиационные и транспортные компании, адвокатские конторы, туристские бюро. В новом городе расположены и все королевские министерства, государственные учреждения, дипломатические представительства, консульства, редакции журналов и газет. Стена, разделяющая Рабат на две части, была построена еще в XII веке в целях защиты местных жителей от набегов врагов; новый город вырос за ее пределами, живя своей, обособленной жизнью.

В Рабате находится один из замечательных памятников старины — мечеть Тур Хасан, высота минарета которой 69 метров. Строительство мечети было начато в 1195 году халифом Якуб аль-Мансуром; по его замыслу, мечеть должна была быть самой грандиозной из всех существовавших в мире. Но вскоре халиф умер, строительство приостановилось, а

позже, в 1755 году, сильное землетрясение нанесло большие разрушения так и не законченному каменному гимну исламу.

Рабат — один из крупных центров арабской культуры и просвещения. В рабатском музее мусульманского искусства хранятся богатейшие коллекции восточных драгоценностей, гобелены, деревянные скульптуры, ткани, сотканые из шелка, шерсти и золота. Вскоре после получения независимости марокканские власти создали в Рабате первый в стране университет, где преподавание ведется на арабском языке. В университете сейчас пока три факультета: права, литературы и естественных наук, но в дальнейшем его предполагается расширить.

Бродя по Рабату и размышляя над его богатыми событиями историческим прошлым, невольно обращаешь внимание на то, что многие улицы города еще носят французские названия. Следы недавнего колониального прошлого отчетливо видны и в другом — в экономике страны. За годы своего полувекового безраздельного господства в Марокко французские империалисты захватили и до сих пор держат в руках ведущие отрасли промышленности и сельского хозяйства. Марокканская экономика на $\frac{4}{5}$ контролируется французским капиталом. Засилье французских монополий, которым чужды национальные интересы молодого государства, тормозит его экономическое развитие. Миллионные прибыли от реализации на внешних рынках марокканских сырьевых товаров и продуктов сельского хозяйства текут в карманы французских капиталистов. И как ни странно, такое парадоксальное явление происходит в тот самый момент, когда марокканское правительство изыскивает средства для подъема национальной экономики...

Да, в Марокко еще много французских фирм, компаний, банков и даже военных баз. Но Марокко 1961 года — это уже не та страна, какой она была десять-пятнадцать лет назад. Новые веяния чувствуются и в городе, и в деревне. Молодая национальная буржуазия активно выступает против чужеземцев, присосавшихся к богатствам страны.

В Рабате дела службы свели меня с местными коммерсантами. В теплый вечер, когда на побережье уже спала летняя жара, мы сидели на плоской крыше загородной виллы и пили желтый ароматный чай, настоянный на мяте. Одна за другой зажигались яркие звезды, образуя на небе замысловатый восточный узор. Где-то рядом в истоме тяжело вздыхал океан.

— У нас еще довольно сильны связи с Францией, — рассказывал один из собеседников. — Зачастую торговля с ней ведется по инерции, в силу многолетней привычки... Это ограничивает наши возможности, замыкает нас в рамки отношений только с одной страной.

— Что предпринято за эти годы для укрепления национальной экономики? — спросил я.

— Кое-что сделано... Например, радикально изменен таможенный тариф, который давал большие льготы французам. Приняты меры по индустриализации. Взамен французского банка создан национальный банк... Но страна ждет большего. Независимость, которой пользуется Марокко уже пять лет, пока не является реальной и полной...

Собеседник протянул мне номер марокканской газеты «Ат-Тахрир».

— Вот, взгляните, что сегодня требует народ, — добавил он.

Через всю первую полосу крупными буквами шли заголовки: «Эвакуация иностранных баз с марокканской земли», «Устранение зависимости мароккан-

ской экономики от Франции», «Ликвидация безработицы и нищеты»...

— В каких же отраслях сегодня преобладают национальные предприниматели? — снова обратился я к своим знакомым.

Присутствующие повернулись в сторону Абу Разика — председателя национальной фирмы, специализирующейся на обработке и вывозе пробковой коры. Он улыбнулся и, погасив сигарету, ответил:

— По нашим подсчетам, доля марокканских компаний в экспорте пробки уже перевалила за половину и составляет свыше 60 процентов. Это большое достижение. Мы тесним французов на этом участке, но не за горами тот день, когда наступление пойдет по всему фронту...

Через несколько дней вместе с Абу Разиком я отправился в северные районы Марокко, где растут знаменитые пробковые дубы. Неказистые на вид, как-то неестественно скрюченные деревья сплошной темно-зеленой массой покрывали равнины и склоны гор. Их серо-пепельного цвета кора, изборозженная глубокими морщинами, является ценнейшим национальным богатством Марокко. Если в других странах плантации пробковых рощ разводят искусственно, то в Марокко — это щедрый дар природы. Под пробковыми массивами занято более 315 тысяч гектаров земли. После отмены французского протектората все пробковые леса перешли в полную собственность государства. Ежегодно проводятся торги на передачу в эксплуатацию частным фирмам определенных лесных участков...

Мы шли среди грифельных стволов пробкового дуба. Некоторые из них были ярко-коричневого, почти красного цвета — с них недавно снята кора.

— При французском режиме в добыче пробки царила полная анархия, — рассказывал Абу Разик. — Эта важная и прибыльная отрасль находилась в запустении. Французы везли пробку из Алжира, где ее добыча и обработка стоили им несколько дешевле. Марокканцев не подпускали к пробковым лесам из боязни конкуренции на внешнем рынке.

Яркий свет на положение в этой отрасли проливает официальная статистика. В книге «Табло экономик дю Марок», изданной в 1960 году в Рабате, приводятся интересные данные. Производство пробковой коры в Марокко в период с 1920 по 1955 год варьировало от восьми до 20 тысяч тонн в год; но уже в 1957 году, то есть сразу же после ликвидации французского протектората, ее было собрано свыше 50 тысяч тонн. Это увеличило занятость населения, дало стране дополнительные валютные ресурсы, которые долгие годы колонизаторы искусственно держали под спудом.

Сезон среза пробковой коры в Марокко длится примерно четыре месяца — с июля по октябрь. В этот период жители прилежащих к лесным массивам деревень работают по найму у заготовительных компаний. Кору срезают вручную, как бы

На вк л а д к е:

Молодой южноафриканский шахтер в праздничном наряде. Но глаза говорят о том, что его жизнь не похожа на праздник.

Иино Нофу. Демонстрация
4 июня 1960 года в Токио.
Гравюра на дереве.

Современная ЯПОНСКАЯ

Мицуи Хисао. Крестьянка.
Гравюра на дереве.

Мураками Есио. Рыбаки.
Гравюра на дереве.

ГРАВЮРА

Недавно в Музее восточных культур в Москве открылась выставка современной японской гравюры. Мы воспроизводим несколько экспонированных на выставке произведений, посвященных трудной жизни простого народа Японии, его борьбе за мир и свободу.

Кэндзи Судзуки. Верните жизнь моему ребенку!
Гравюра на дереве.

Ёсида Тосидзи. Против
безработицы и войны.
Офорт.

«раздевая» ствол дерева на полтора-два метра от земли. Толщина коры может быть самой различной в зависимости от возраста дерева, но наиболее высококачественной считается в 10—12 сантиметров. Оголенные деревья постепенно обрастают новой корой, и через три-четыре года сюда снова возвращаются бригады заготовителей.

Мы побывали на предприятиях по обработке пробковой коры, расположенных на окраине средиземноморского города Тетуана. Корявые бесформенные пласты, только что доставленные на грузовиках прямо из леса, сваливались в огромные чаны с кипящей водой. В чанах кора варится до полного обезвреживания от древесных болезней и паразитов. Затем каждый кусок обстругивают, обрезают по бокам, придавая четырехугольную форму, и сортируют в зависимости от плотности, толщины и упругости. После таких довольно несложных процедур пробковая кора готова для экспорта.

Увеличение производства пробки в Марокко потребовало новых рынков сбыта, и большую помощь в этом оказали марокканцам Советский Союз и страны народной демократии. Межправительственные торговые соглашения социалистических стран с Марокко предусматривают поставки пробковой коры и щепы, в сбыте которых марокканцы сейчас крайне заинтересованы.

Марокканцам предстоит открыть и освоить богатства своей земли, скрытые в ее недрах. В северных, почти глухих районах, где мы побывали, ведутся разработки железной руды, намечается строительство металлургических заводов. По приблизительной оценке залежей только известных месторождений, страна располагает достаточными запасами железной руды, чтобы полностью удовлетворять свои потребности в черных металлах. Однако до настоящего времени Марокко остается импортером стального проката, его ввозится до 150 тысяч тонн в год.

Мы посетили горняцкий поселок Юксон. Неуклюжие тележки с бурой железной рудой проплывали мимо, к погрузочному пункту, откуда руда отправляется к средиземноморскому побережью, а затем в Испанию, Францию, Англию. В Европе из марокканской руды выплавляют сортовой прокат, вырабатывают металлоизделия и уже втридорога продают марокканцам...

— На Западе это называется бизнес, — заметил один из моих спутников, марокканский журналист. — А по-моему, просто грабеж...

В Рабат мы возвращались ночью. Взярошенные кактусы, словно разбуженные светом автомобильных фар, заслонялись охапками колючих лап. Время от времени в свете фар мелькали дорожные столбы с названиями деревень, но самих деревень не было видно. Лишь кое-где мерцал отблеск керосинового фонаря, доносился лай собак.

Так сегодня живет Марокко — страна Касабланки, утопающей в океане электрических огней, и страна затерянных в ночи поселков.

На вкладки:

Африка двинулась в путь!

Фото Ганса Рейха
из альбома «Африка»

ПОМОЩЬ ПОМОЩИ РОЗНЬ

(Окончание. Начало см. на стр. 24)

Однако истинные просчеты западногерманских промышленных кругов в Руркела кроются в другом. На протяжении десятков лет у предпринимателей из империалистических стран, оказывавших техническую помощь слаборазвитым странам в строительстве электростанций, гидросооружений и других объектов, имеющих второстепенное промышленное значение, сложилась практика, когда за счет многократных пересмотров проектов, поставки недоброкачественного оборудования, хитроумных пунктов соглашений, гарантирующих империалистам участие в прибылях и директорские посты в руководстве сооружаемого предприятия и т. д., монополистические группировки Запада обеспечивали себе колоссальную сверхприбыль. Это было «нормальным» состоянием вещей.

Великое значение строительства металлургического завода в Бхилаи, а равно и других промышленных объектов в экономически слаборазвитых странах, осуществляемого при помощи стран социалистического лагеря, состоит в том, что они предоставили слаборазвитым странам возможность сравнить существо «помощи» империалистического Запада с помощью, идущей от социалистических государств и, таким образом, разоблачили истинный характер этой «помощи», развенчали ее «благотворительную» миссию и вместе с тем показали гуманные цели помощи СССР и других стран социализма.

Западногерманские фирмы, строящие завод в Руркела, пишет газета «Таймс оф Индия», «не видят ничего, кроме своей непосредственной цели — частной выгоды».

Индийская общественность не заблуждается в истинном значении помощи, получаемой от Советского Союза и других стран социализма, с одной стороны, и от западного блока, возглавляемого США, — с другой.

«Ясно, как божий день, — замечает «Блиц», — что советская помощь... целиком идет на построение крупных предприятий, которые будут составлять действительно тяжелую индустриальную базу индийской экономики... Сейчас никто в Индии не станет отрицать, что именно Советская Россия помогла ей сделать первые крупные шаги в тяжелой промышленности».

Во время посещения Бхилаи в феврале 1960 года Н. С. Хрущев говорил: «Мы предпочитаем оказывать настоящую помощь, чтобы каждая страна, освободившаяся от господства колонизаторов, могла бы в короткие сроки развивать свою экономику, производить необходимые ей товары. Мы хотим, чтобы народы этих стран развивали свою собственную экономику, свою национальную культуру, чтобы эти страны быстро двигались вперед в своем развитии и были бы на деле независимыми от других государств».

Крепнущее и развивающееся экономическое и техническое сотрудничество между Советским Союзом и Республикой Индией, которое наиболее полно проявилось в ходе строительства Бхилайского металлургического завода, является наглядным тому доказательством.